

«Горец» Ламбер:

Главное — не терять уязвимости

Самая ветреная любовница кинозвезды — десятая муза

Четырежды «Горец», «Тарзан» («Грейсток — Легенда о Тарзане»), герой культовой «Подземки». Он похож на молодого профессора. Очки скрывают фирменный «эффект мерцающих глаз Ламбера», воспетый режиссерами и журналистами. Обаятелен, демократичен. Не «звездит», всячески подчеркивая свою обыкновенность.

— Известно, что вы из весьма привилегированной и состоятельной семьи (отец — крупный дипломат, мать — психоаналитик с солидной клиентурой), что родители не приветствовали ваш выбор. Любопытно, насколько во Франции престижна профессия актера?

— Профессию выбрал потому, что больше всего боялся скуки и предсказуемости. Моя карьера уже была начертана. Я выбрал возможность перевоплощаться в кого-то другого. В том числе — в дипломата или психиатра. Некоторые смотрят на актеров как на привилегированных людей, высшую касту. Возможно, в этом есть резон. Но тогда надо вложить в 10 раз больше уважения к самому себе и к другим людям. Ведь чем больше тебе повезло в жизни, тем больше ты должен уважать и это везение, и людей, которым повезло меньше. Популярность — фасад, за которым должно быть еще что-то. Не терплю в актерах претенциозности, эгоцентричности. Когда думают, что они единственные в своем роде. Мне кажется, мы все одинаковые.

— За свою карьеру вы снимались и в арт-проектах, таких как «Подземка» — издевка над французской буржуазией, и в коммерческих экшнах типа «Крутых стволов», «Смертельной битвы». Ваши предпочтения?

— Как зритель люблю переживать яркие моменты в зрелищном кино. Не выношу холодно-интеллектуального пренебрежения к зрителю. Есть интересные арт-проекты, справедливо рассчитывающие на внимание публики. Например, фильмы канадского режиссера Дени Аркана, которые любят и зрители, и фестивали. Кажется, что я интересовался больше коммерческими проектами. Но мне представлялось, я смеиваю жанры. Вот и новый фильм «Точная копия» привлек меня не только интригой, но и сложным психологическим рисунком.

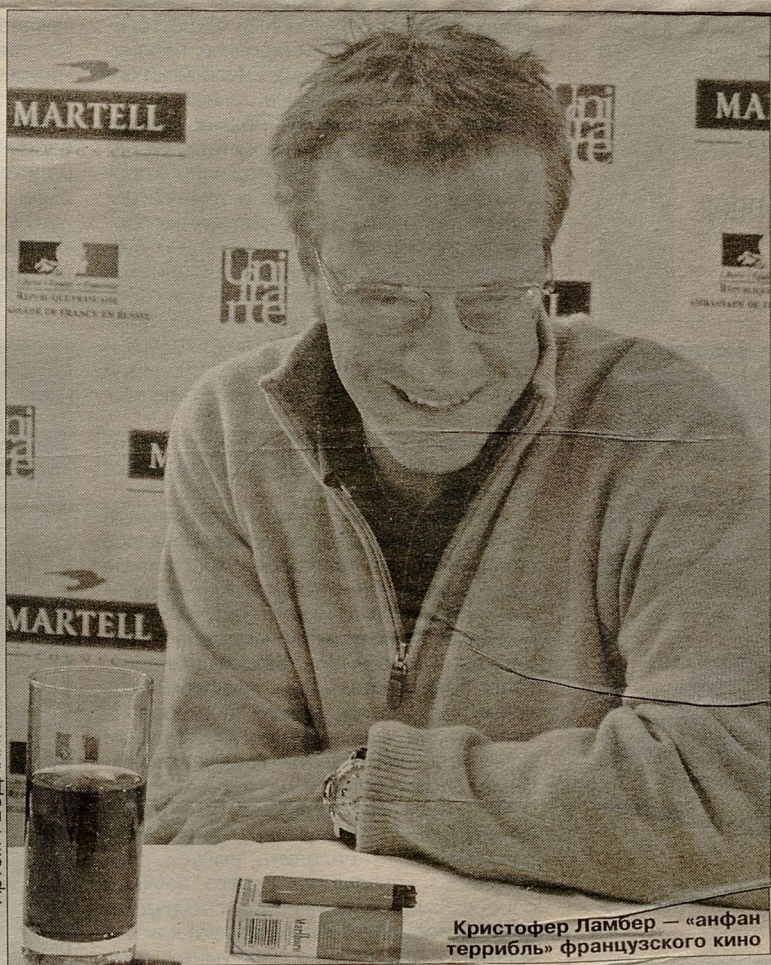
— Никак не обойти легендарного «Горца». Вы играли Коннора Маклауда как «надчеловека» или человека с даром бессмертия?

«Для меня режиссер — папа»

— Горец, несмотря ни на что, очень человечный. Свои страдания, как и страдания других людей, он воспринимает как обычный человек. Главный его дар — сочувствие.

— В 80-е годы Ламбер стал мегазвездой. В 90-е падений было больше, чем взлетов. Как вы преодолеваете моменты кризиса, зависимость актерской профессии?

— Моя профессия — всего лишь продукт. Когда на рынок появляется новое лицо, все набрасываются на

Артём ГЕОДАКЯН

Кристофер Ламбер — «анфан террибль» французского кино

него. Хотят именно Кристофа и только Кристофа. «Тарзан», «Подземка», «Горец» — сплошной фурур. Дальше все зависит от твоего психологического равновесия. Если ты не можешь пережить, когда молчит телефон, — значит, не связывайся с этой профессией. Талант и в том, чтобы переживать взлеты и падения. То тебе аплодируют: «Вот он, кого мы ждали!», то все отворачиваются: «Что, он еще жив?».

— В чем же вы обретаете поддержку? Может быть, режиссура?

— Любовь. Вот главное. Не улыбайтесь, это большая сила.

— Но студию свою вы все-таки создали.

— Точнее, продюсерскую компанию. Работал с актерами, пытался что-то создать. Больше занимаюсь проектами, в которых сам не снимаюсь. Пишу. Заказываю сценарии.

— Среди ваших партнеров звезды кино. Вы общаетесь за границами площадки?

— Мне всегда везло с партнерами. Я был в восторге от Катрин Денев. Обожаю Филиппа Нуаре. Вообще не представляю, как можно начать съемки, если нет связей, теплых человеческих взаимоотношений.

— В новом фильме «Точная копия» вы снимались с Настасьей Кински. Удалось наладить человеческий контакт?

— С Настасьей работать одно удовольствие. Она предназначена для этой роли, погружена в нее. На площадке есть лишь ее героиня. Я тоже доверяюсь воле режиссера. Для меня режиссер-мужчина — папа, женщина — мама. Исполняю их волю, как послушное дитя. «Мотор!» — и я превращаюсь в персонажа. «Стоп!» — возвращается Кристоф.

— В кино часто человеческие связи рвутся в момент завершения съемок.

— Это так. Но если встречу Катрин — расцелуемся. И будем искренне рады друг другу. У меня среди актеров мало настоящих друзей. Если говорить о дружбе, то Люк Бессон — единственный, с кем я вижу часто и регулярно. Странное ремесло. Встречаешься с людьми, которые с тобой три месяца работают, живут в одной группе, по сути, семье: актеры, продюсеры, операторы. Любят друг друга, при этом друг друга не зная. Потом все расстаются, и начинается новый процесс сближений, уже с другой «семьей».

— Кино — самая ветреная из любовниц?

— В вашем замечании много правды, во всяком случае тот же результат: полная дестабилизация. Требуется сила духа, чтобы пережить встречи и расставания, иногда навсегда. И не терять уязвимости, чувствительности. Становишься грустным. Расставаться — часть нашей профессии.

— Вот повод для философских размышлений в периоды простоя.

— Вообще к философии сложилось отношение как к чему-то академическому, интеллектуальному. На самом деле это сконцентрированный в емких формах уровень чувств. Если бы философию не делали столь наукообразной в школе, все увидели, сколь она увлекательна. Не менее естественна, чем биология.

— Кто же любимый философ Кристофера Ламбера?

— Экзюпери и его «Маленький принц». В общем, они оба. Эта человеческая философия — моя настольная книжка.

— Вы четыре раза играли бессмертного Коннора, нет ли тайного умысла в актерской профессии — достичь бессмертия?

— О бессмертии судить не берусь, но вы же знаете, что целлулоид прочнее человеческой жизни...